

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Распад СССР как имперской державы в 1991 г. открыл дорогу процессу формирования национальных государств на постсоветском пространстве, в том числе и в странах Центральной Азии. Как и другие страны СНГ, наша республика Кыргызстан с этого времени вступила в новую историческую полосу созидания демократического государства и рыночной экономики. 31 августа 2001 г. на праздновании 10-летия со дня образования суверенной Кыргызской Республики было отмечено, что наша страна находится на пути строительства своего **национального государства**.

Как известно, возможность достижения любой страной высокого уровня определяется тремя взаимосвязанными факторами развития: социально-экономическим, культурно-цивилизационным, национально-государственным. Строительство национального государства, в европейском восприятии «нации-государства» («nation-state») или «государства-нации» («state-nation»), является необходимым этапом в развитии любой страны. Исторический опыт показывает, что страна, не прошедшая этапа национально-государственного строительства, не достигает в своем совершенствовании достаточной зрелости и стабильности. Национальное государство – это своеобразный тип политической организации общества, сложившейся в определенных конкретно-исторических условиях развития Западной Европы в Новое время (XVI-XIX вв.). Оно оказалось более эффективным институциональным образованием, нежели предшествовавший ему имперский тип управления. В течение XX столетия эта форма государственности распространялась по всем континентам и регионам.

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что в современной политологической литературе проводится концептуальное разграничение между двумя значениями понятия «нации-государства»: **гражданским и этническим**. В соответствии с таким делением в деятельности национального государства могут разворачиваться две противостоящие друг другу *функции*. Рассматриваемое в контексте *первой функции* национальное государство, как подтверждает исторический опыт, решает задачу *консолидации* общества. Ранее разрозненный народ постепенно, конечно, не в короткие десятилетия, а в течение долгих столетий, спланивается в единую **гражданскую нацию**. Данный процесс осуществляется по трем направлениям. Во-первых, разнообразные этнические, конфессиональные, социальные и профессиональные

группы объединялись в сплоченную гражданскую общность. Во-вторых, на основе экономического прогресса преодолевалась социальная дифференциация общества. В-третьих, несмотря на плюралистическую разнородность борющихся между собой групп и интересов, достигалось идейно-политическое единство общества по жизненно важным вопросам. Данный результат достигается в ходе образования единого **национального рынка и национального самосознания**. Именно на такой почве возникает и развивается так называемый **гражданский национализм**. Разумеется, становление «нации-государства» в реальном своем воплощении представляет собой исторически длительный процесс.

Однако современная реальность, как выясняется, представляет собой гораздо более сложную картину. Во многих работах, изданных до 1970-х годов, в которых анализировался феномен «нации-государства», *роль этнического фактора в политике* практически не учитывалась. Данный подход подразумевал, что при верном, т.е. демократическом, устройстве политической системы любой индивид быстро «освободится» от негражданских «пут», а иммигрантские группы, этнические и другие меньшинства постепенно растворятся в единой гражданской нации [4.-9.]. Но конец XX и начало XXI вв. показали, что мы являемся современниками и свидетелями своеобразного «ренессанса» **этнического сознания и этнонациональных движений**. В настоящее время все чаще говорят о «*пробуждающемся этносе*» и «*бунтующей этничности*». К примеру, реальным выражением такого «бунта» стало отделение Косово от Сербии и образование им в конце марта 2008 г. самостоятельного государства. Такая же угроза распада нависла и над Грузией, от которой пытаются обособиться Абхазия и Южная Осетия. Не менее острыми остаются взаимоотношения Молдовы и Приднестровья, Азербайджана и Нагорного Карабаха.

Причем этот поток **этнического национализма** ширится по всему миру. С подобной проблемой раньше других столкнулась Западная Европа, которую многие считали сообществом вполне сформировавшихся однородных наций. После того, как на всеобщих выборах в октябре 1974 г. Шотландская национальная партия получила в Шотландии 30% голосов избирателей, стало очевидно, что у британской нации есть заботы и помимо Северной Ирландии [10. – 59-60.] Создание парламента в Шотландии и Национальной ассамблеи в

Уэльсе (1997-1999 гг.) явилось следствием общего процесса *этнонационального пробуждения*. Сходная ситуация сложилась в Испании, Бельгии и в некоторых других европейских странах. Положение усугублялось массовой миграцией, в результате которой «все страны Европы, по своему желанию или нет, стали странами иммигрантов»[12. – 82.] Драматические события, связанные с распадом Югославии, а также разделом Чехословакии еще более наглядно продемонстрировали опасность дальнейшего пренебрежения **этническим фактором в политике**.

Этнонационализм, являясь логическим продолжением этносепаратизма, превращается *из национального в националистический фактор*. Он стремится реализовать принцип право этносов на *национальное самоопределение* путем раздела существующих государств и организации собственных. Это *вторая*, противостоящая *первой*, функция, естественно, предполагает, что единственной содержательной характеристикой «нации-государства» является **этническая нация**. Таким образом, этнонация, по логике своего внутреннего развития, предрасположена к обособлению своего существования. Это, конечно, неизбежно *разобщает и разрушает* консолидирующееся полиэтничное сообщество в рамках «нации-государства». Об исключительной сложности и долговременности проблемы этнонационализма и сепаратизма свидетельствует, например, то, что, в настоящее время на Земле проживает более **3 тысяч этносов, из которых лишь 300 имеют свои государственные и автономные образования**. Невозможно даже вообразить ситуацию, в которой каждый из этих 3 тысяч этносов возжелал бы иметь свое государство.

Стремясь уйти от угрозы этнонационализма и опасности распада, современные страны ищут выход в созидании «нации-государства». В данной связи есть смысл разграничить концептуально категории «нация» и «этнос». На наш взгляд, здесь наиболее приемлем историко-типологический взгляд. Род, племя, народность и нация – это последовательно сменявшие друг друга исторические типы организации этноса. Нация – это высший этап развития этнической общности. Во-первых, коренное различие между ними заключается в том, что нация имеет свою политико-государственную организацию, а этнос – социально-культурную. Следовательно, нация одновременно выступает в двух лицах. С одной стороны, она есть политико-гражданская определенность, а с другой – этносоциальная. Во-вторых, становление нации органично связано с формированием индивидуальной человеческой личности как массового субъекта общественных преобразований. В этнической организации индивид еще не отличает себя в достаточной степени от групповой общности, мыслит себя в категориях группового мышления – «мы – они».

Между «своим» и «чужим» не существует опосредующих звеньев в виде общих ценностей, побуждающих к согласию в мыслях и согражданству в действиях. Нация предстает как индивидуально-личностная взаимосвязь людей в пространстве единого политического сообщества и общей культуры. Например, можно быть армянином по этническому происхождению и считать себя принадлежащим к французской нации.

В контексте проблемы формирования национально-государственной идентичности Центральная Азия также предстает весьма сложным регионом. Сразу же после распада СССР и образования на его обломках суверенных государств, в Центральной Азии не на шутку разгорелся пожар межэтнических раздоров, накладывающих свою негативную печать на процессы внутривосточной интеграции. В основе таджикско-узбекского конфликта 1989 г. лежали требования о перераспределении пастбищ между узбекскими и таджикскими группами северных предгорий Туркестанского хребта. Одним из примеров, того, как годами тянувшиеся споры из-за земли и воды внезапно стали поводом серьезнейших разногласий между двумя соседними республиками, оказался конфликт 1989-1990 гг. между таджиками Исфаринского района Ленинабадской области Таджикской ССР и кыргызами Баткенского района Ошской области Кыргызской Республики. В июне 1990 года в Ошской области имели место трагические события, приведшие к межнациональному конфликту кыргызов и узбеков. Не менее ожесточенный характер приняли боевые сражения на почве межтаджикского конфликта 1992-1997 гг. Эти конфликты отразили как в зеркале всю глубину накопившихся в регионе проблем. Мощным катализатором дестабилизации геополитической обстановки в регионе стала длительная война в Афганистане.

Вместе с тем, сравнительный анализ показывает, что природа и характер проявления межэтнических конфликтов в Центральной Азии в значительной мере отличаются от подобных процессов в других регионах постсоветского пространства. Причиной межэтнических конфликтов здесь явились скорее обострение не **этнополитических**, а в большей мере **социально-экономических факторов**. Критически осмысливающие наш опыт зарубежные исследователи, пытаются объяснить это явление тем, что союзные республики Средней Азии и Казахстана в значительной мере оказались неготовыми к национально-государственному строительству и воздвигали атрибуты суверенного государства больше по необходимости, чем по убеждению. В этих республиках в условиях тоталитарно-авторитарной системы не были поставлены и решены многие задачи, входящие в экзамен на «аттестат зрелости» по формированию национальной государственности: во-

первых, достижение минимального уровня национальной и гражданской солидарности; во-вторых, общественного консенсуса относительно национальных интересов; в-третьих, зарождение новой политической системы, ядра профессиональных политиков; в-четвертых, признание общих социально-политических норм и др. Критики утверждают, что обостренные национальные чувства доминировали лишь при отделении от СССР государств Прибалтики, Закавказья и Правобережной Молдовы. Но и здесь, в процессе созидания независимых государств, как выясняется, стержневым оказался мотив не **гражданского, а этнического национализма**. В имперской системе СССР нация была оторвана от государства и соединена с этносом. Нация превратилась в историческую форму развития этнической общности. Поэтому распространилась практика наименования союзных и автономных республик по названию титульного этноса.

Что же касается Средней Азии и Казахстана, то здесь вообще отсутствовало массовое движение за независимость. Независимость для большинства нынешних центрально-азиатских государств не стала итогом серьезного и упорного труда, борьбы, движения. Свобода и суверенитет как бы упали с неба. У истоков движения за суверенитет не стояло то явление, которое называют национальным возрождением, предполагающим всесторонний культурный подъем, рост национального самосознания, становление гражданской нации как полноправного субъекта политического процесса. Процесс же созидания ими своей национальной государственности стал вынужденной реакцией на развал СССР.

Почему в Центральной Азии не было национальных движений? Данный исторический факт, который трудно отрицать, говорит лишь о том, что в регионе Центральной Азии не получил достаточного развития процесс трансформации *этнического сознания в национальное самосознание*. Лишь только в этом процессе зарождается политическое движение этнического национализма. Исследователями справедливо отмечается, что, например, Казахстан был менее всех заинтересован в распаде СССР. Результаты референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР показывали, что настроение населения всех центральноазиатских республик было в большей мере просоюзным даже по сравнению с населением России. По сути дела под давлением российско-украинско-белорусского союза эти страны были поставлены перед необходимостью национально-государственной самоорганизации. Близкий вариант развития наблюдался в Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане.

На нынешнем начальном этапе национально-государственного строительства республики Центральной Азии также не избавлены от угрозы

распространения и углубления межэтнических коллизий. Население этих республик полиэтнично и многоконфессионально [3.-202.]. Так, в настоящее время по некоторым данным, в Казахстане титульный этнос казахи составляют 40%, русские – 38, другие славянские группы – 7; мусульмане – 47%, остальные являются православными и протестантами. В Кыргызстане: кыргызы составляют 52% населения, русские – 21, узбеки – 13; из них 70% мусульмане, остальные в своем большинстве православные. Ситуация в Таджикистане выглядит таким образом: таджики – 62%, узбеки – 24, русские – 8, татары – 2; 85% населения исповедуют мусульманскую веру. Положение в Туркменистане несколько иное: уже 72% населения составляют туркмены, русских – 9, узбеков – 9; 85% исповедуют ислам, 10 – православные. И наконец, в Узбекистане такая картина этнического состава: узбеки – 71%, русские – 8, таджики – 5.

Естественно, в таких полиэтничных условиях было бы непростительной иллюзией в краткосрочном или даже в среднесрочном варианте строить планы формирования национально-государственной идентичности. Во-первых, в контексте динамики своего развития этносоциальная структура менее подвижна, более стабильна, даже в определенной мере консервативна. В отличие от средних веков, когда процесс формирования и становления этнических общностей носил еще лишь «первичный характер», так сказать, еще не освободился от диффузии родоплеменной «фрагментации», в течение Нового и новейшего времени мы видим картину постоянной этнической «кристаллизации», «затвердения» стержневых черт. Поэтому интеграция этнических структур предстает как долгий процесс. Иначе говоря, расколоть одним ударом «институционализировавшийся» этносоциальный организм подобно ореху, просто невозможно. Здесь огромную роль играют такие «затвердевшие» компоненты этнического сознания, как чувство принадлежности к определенной общности и «инаковости», «чуждости» других. Когда спрашивают: «Почему распалась Югославия?», то ответ лежит на поверхности. Оказывается, в стране мало было людей, чувствовавших себя югославами. Они больше чувствовали себя сербами, хорватами, словенцами, македонцами, албанцами и т.д. Для реального знания ситуации желательным было бы проведение социологических исследований в республиках Центральной Азии. Например, в Кыргызстане ответ на вопрос: «Кем вы себя чувствуете? С кем вы себя отождествляете?», можно представить в виде выбора из пяти вариантов: 1) «кыргызстанцем»; 2) «в большей степени кыргызстанцем, чем кыргызом, русским, узбеком, дунганином»; 3) «в равной степени кыргызстанцем и кыргызом, русским, узбеком, дунганином»; 4) «в большей степени кыргызом, русским, узбеком,

дунганином, чем кыргызстанцем»; 5) «кыргызом, русским, узбеком, дунганином». Вряд ли можно сомневаться в том, что подавляющее большинство респондентов выберут 5 или 4 варианты и только исключительное меньшинство – 3.

Во-вторых, управление процессом формирования национально-государственной идентичности, несомненно, требует гибкого учета взаимодействующих культурно-исторических, социально-экономических и территориально-демографических факторов. Кроме того, что население государств Центральной Азии имеет смешанный, «пестрый» состав, добавляется и такой немаловажный фактор, как проживание основных этнических меньшинств в приграничных районах с соседними республиками. Например, узбекское население Кыргызстана в подавляющей массе проживает на юге страны по соседству с Узбекистаном. Русское население Казахстана сосредоточено в северных областях республики, граничащих с Российской Федерацией. Такую же картину мы можем наблюдать и в других центральноазиатских государствах. Данное обстоятельство, разумеется, становится мощным фактором торможения на пути формирования национально-государственной идентичности.

В-третьих, мировой опыт показывает, что создание в относительно короткие сроки институтов эффективного государства еще не способно породить единую нацию. Более всего это положение относится к только что формирующимся государствам Центральной Азии. Нет сколько-нибудь серьезных оснований предполагать, что этнические меньшинства в регионе, сознание которых постоянно растет, подчинятся политическому и социальному нажиму и склонятся к ассимиляции («интеграции»). Скорее они будут настаивать на своем праве на этническую идентичность. Сегодня им нет нужды порывать все связи с бывшей родиной, сжигать все мосты. За такое развитие событий говорит, в частности, то, что современные средства обмена информацией (почта, телефон, радио, кассеты и, в особенности, спутниковое телевидение), а также не слишком дорогие транспортные средства (в первую очередь самолет) облегчают коммуникацию на этническом уровне. Следовательно, те, кто становятся гражданами другого государства, сейчас уже не стремятся обязательно избавиться от своего этнического происхождения.

В-четвертых, нам необходимо учесть опыт ошибок, которых не сумели избежать государства Прибалтики при осуществлении своей национальной политики. Так, Эстония провозгласила себя национальным государством, целью которого является «nation-building» («строительство нации»). Иначе говоря, речь идет о строительстве, в конечном счете, этнонационального общества. Но возникает естественный вопрос: как объявить этнонациональным

государство, где титульный этнос составляет всего 60% населения? Куда девать остальные 40%? После окончания Второй мировой войны в результате внутренней миграции в СССР доля этнических меньшинств в населении Эстонии увеличилось с 8% до 38, что составило порядка 600 тысяч человек. Вначале эстонское руководство надеялось на добровольный, естественный более или менее «цивилизованный» исход меньшинства. По расчетам к 1990-м годам из республики выехало порядка 1/6 неэстонцев, т.е. около 100 тысяч человек. Новые законы, принятые в Эстонии после провозглашения независимости, делали значительную часть оставшихся 500 тысяч человек **не гражданами** страны. Обязательное знание эстонского языка становилось неотъемлемым атрибутом гражданства. Ныне 90% населения республики – это уже этнические эстонцы. Но еще свыше 200 тысяч неэстонцев не получили гражданские права. Латвия также мечтала быстротечно стать «нацией-государством». Однако оказалось, что в 90-х годах прошлого века ни в одном из 7 наиболее крупных латвийских городов латышский язык не являлся родным для большинства проживающих. Сегодня выглядит нелепым стремление правительства Латвии и Эстонии по европейскому образцу прошлых времен латвизировать и эстонизировать сотни тысяч проживающих на их территории русских. Конечно, европейские «нации-государства» формировались по мере «ассимиляции» совершенно различных этнических групп. Так, во Франции, отмечал Ф.Энгельс, «формирование нации происходило на базе нескольких средневековых феодальных народностей. Провансальская (южнофранцузская) народность в средние века была не более родственна северофранцузской» [5.- 337.] С таким же успехом можно добавить, что между северо-восточными пикардийцами и юго-западными гасконцами также было очень мало общего. Однако данный процесс занял века.

В-пятых, совершающиеся на наших глазах глобализационные процессы размывают национально-государственные границы. Под воздействием стремительно растущих информационных потоков и глобально узнаваемых символов разрушается устойчивая идентификация с нацией и государством. Вызовы глобализации испытывают сегодня и страны Центральной Азии. Специфика их положения заключается в том, что в настоящее время перед ними стоят модернизационные задачи, решение которых традиционно связано с укреплением национального государства. Восприняв ценность национального в период глобального кризиса национально-государственной парадигмы, центральноазиатское общество разрывается между потребностью модернизации и необходимостью адаптации к глобальным тенденциям мирового развития. Формирование нации-государства

в странах Центральной Азии, а также в России, происходит в условиях этнокультурного возрождения, что позволяет некоторым исследователям говорить о превалировании здесь «этнокультурной доминанты над социокультурной» в развитии модернизационных процессов. Речь идет о том, что здесь сама «национально-государственная модель общества поколеблена глобализацией и глобальностью» [1.- 31-51.] В этой ситуации содержание национальной составляющей идентичности зависит не только от государства, всегда выполнявшего в евразийском регионе, частью которого исторически является Центральная Азия, роль ключевого ориентира, но и от форм социальной самоорганизации, задающих уровень «напряженности» связей современного мира. Успешность социальных инноваций сопряжена с укреплением гражданского общества, которое вырабатывает механизмы социальной и национальной консолидации вне, помимо и во взаимодействии с государством [7. - 113.] Личность постепенно теряет связи с привычными формами социализации и все больше выступает как «*транснациональный индивид*», как группа индивидов, как значимый субъект. Оставаясь частичками национальных организмов, люди становятся гражданами мира.

И вместе с тем, опыт стабильного развития многих стран современного мира дает основание утверждать, что угроза неизбежного распада маячит не перед каждым полиэтничным государством. Повидимому, не следует абсолютизировать этнические различия как таковые, без учета других факторов, и предсказывать неизбежность такой ситуации, при которой каждая этнонация не успокоится, пока не добьется образования собственного государства. Этнический фактор играет решающую роль лишь только в моменты утверждающегося национально-государственного самоопределения. Но с какого-то времени, когда национальное самосознание приобретает устойчивые институциональные черты, этничность как фактор самоопределения начинает отходить на задний план. Гражданство становится полным выражением национального характера, а этническая принадлежность второстепенным признаком. Не нации создают государства, а наоборот, государства образуют нации. Исторически тенденция к централизации во Франции, по мнению Р.Мартелли, обнаружилась ранее становления нации, в силу чего «государство создало нацию, которая и существует ... в форме национального государства» [6. – 25.].

Замечено, что во многих ситуациях национальных революций и гражданских войн в качестве важной предпосылки выступает наличие глубокого и серьезного противостояния между двумя частями общества не только в материально-экономическом, социально-имущественном, но и цивилизационно-культурном плане. Речь здесь идет не о «столкновении

цивилизаций» в духе С.Хантингтона, а наличием в обществе серьезных различий в сфере культуры, традиций, менталитета, т.е. об отличиях микроцивилизационного (или субцивилизационного) характера. Именно этот момент, обозначаемый в литературе терминами «*особость*», «*инаковость*», чаще всего и создает то национальное чувство, которое ведет к расхождению линий политического поведения этнических групп и конфликту между ними. Если этнос в данном ракурсе восприятия цементируется в первую очередь сознанием общности происхождения, то есть прошлого, то в нации более существенную роль играет убеждения в общности будущего, т.е. грядущей судьбы. Нация при своем зарождении, как правило, вбирает в себя вначале близкие (родственные) этнические группы, а затем и «*особые*», «*инаковые*», с точки зрения культуры и языка. Этносы, включенные в новую нацию, но в силу каких-то причин, не интегрировавшиеся в нее, «выламываются» из общего процесса нацииобразования, а значит с неизбежностью, из границ возникающего национального государства. Не имея общего самосознания «единства судьбы», в какой-то момент развития они могут «очнуться» и начать борьбу за национальное обособление. Ситуации, ныне сложившиеся в Квебеке, Северной Ирландии, провинции басков в Испании, фламандской Бельгии говорят нам, что процесс генезиса наций в странах, реализующих модель национального государства, явно не завершен.

Надо полагать, что наиболее последовательная политика государств Центральной Азии выражается в признании гражданских прав этнических меньшинств. В 1991 г. ОБСЕ, вслед за Канадой и США, приняла базовые документы о правах европейских национальных (этнических) меньшинств. Признание прав этнических меньшинств неизбежно повлекло за собой изменения в политике ведущих демократических государств. Канада, а затем и США, Австралия и некоторые другие государства пошли по пути утверждения принципа *мультикультурализма* в качестве основы своей политики. Для США это фактически означало признание провала прежней **ассимиляционной политики «плавильного тигля»**. Политика **мультикультурализма** была призвана обеспечить *не только индивидам, но и их объединениям* возможность сохранения своих культурных особенностей, поддерживая тем самым определенный баланс между коллективными и индивидуальными правами. Сегодня многие зарубежные теоретики и практики рассматривают принцип **мультикультурализма** как наиболее адекватный ответ на вызовы этнического сепаратизма и этнонационализма. В этой связи Р.Поул подчеркивает, что «мультикультурализм уже проявил себя как значительное политическое явление в демократических странах и политические философы

пришли к нелегкому признанию факта его существования...» [11.– 3.]

Однако, как справедливо подчеркивается во многих исследованиях, «этнизация всех сторон политической жизни ставит под вопрос классические ценности демократии – прежде всего равенство людей перед законом» [2.] Как считают многие специалисты, современная реальность ставит перед ученым сообществом абсолютно новую задачу – деполитизации этничности или деэтнизации политики [9.] Наконец, некоторые исследователи убеждены в том, что сохранение единства страны возможно только после внедрения в общественное сознание либеральной идеи значимости отдельной личности, а не каких-либо общностей [8.] Право каждого человека «остаться» на той земле, где создается национальное государство, получить – при условии личной гражданской лояльности к его законам и конституции – гражданство. Таким образом, в настоящее время закладывается почва для положительного роста национального самосознания народов СНГ, в том числе и Центральной Азии. Выступая 15 апреля 2008 г. на IX съезде партии «Единая Россия», президент РФ В.В.Путин призвал участников работать во имя будущности **российской нации**. Вопрос лишь в том, чтобы ввести это рождающееся самосознание в позитивное русло общегражданских чувств в отношении к создающемуся национальному государству. Было бы ошибочным, если мы стали отрицать тот факт, согласно которому реальность более чем 17-летнего развития суверенных государств Центральной Азии беспристрастно свидетельствует, что консолидирующая национальная идея постепенно, но все же неуклонно превращается в неотъемлемый элемент общественно-политического сознания людей.

В социологических исследованиях отмечается, что в процессе строительства «наций-государств» культурные различия между русскими, украинцами, казаками и другими этносами постоянно увеличиваются. И сейчас они значительно больше, чем в советское время. Следовательно, фактор национально-государственного единения и формирования общей идентичности начинает работать. Очевидно, что национально-государственная идентичность формируется на длительном историческом этапе.

Долгое время будет сохраняться «двойная», даже «тройная» идентичность. Должен пройти достаточно большой срок, прежде чем человек, который осознает себя «русским», «узбеком», «дунганином», захочет сказать: «я – русский, узбек, дунганин и в то же время – кыргызстанец». И только лишь в далекой перспективе сформируются такие национально-государственные идентичности, как «казахстанец», «кыргызстанец», «таджикистанец», «туркменистанец», «узбекистанец», «россиянин».

Литература:

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. - М.: 2001.
1. Драгунский Д.В. Макрополитика (Заметки о детерминантах национального поведения)// Полис.-1995.- № 5.
2. Кефели И.Ф. Геополитические связи азиатской России и сопредельных государств. //Идентичность и диалог культур в эпоху глобализации. Международная научно-практическая конференция. (27-29 авг.2007 г., Иссык-Куль). – Бишкек.-2007.
3. КУЗНЕЦОВ А.М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе. // ПОЛИС. – 2007. - № 6.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.5.
5. Martelli R. La Nation Ethnic, formation sociales, traditions, lutes politiques en France. - P.: 1979.
6. Семенов И.С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. // Полис. - 2004. - № 1.
7. Тишков В.А. Реквием по этносу. –М.: Наука, 2003; Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). – М.: РОССПЭН, 2003.
8. Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. –М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН.- 2003.
9. Birch A.H. Reflection on Ethnic Politics – Cairns A., Courtney J., MacKinnon P., Michelmann H., Smith D. (eds.) Citizenship, Diversity and Pluralism. Canadian and Comparative Perspectives. MacGill-Queen’s University Press.
10. Pooke R. Nation and Identity.- L.- N.Y.: Routledge,1999.
11. 12.Weil P. Nationalities and Citizenship: the Lessons of French Experience for Germany and Europe. – Caesarani D., Fullbrook M. (EDS.) Citizenship, Nationality and Migration in Europe. - L.: Routledge, 1996.